

ПОЭТИКА И СЕМАНТИКА ОНИМОВ В «ИСТОРИИ ЖИВОПИСЦА» Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ

Сказки Л. С. Петрушевской – это современные, новые сказки и по времени создания, и по идейно-художественному своеобразию. Первые из них появились в 70-80-е годы. В 90-е годы выходит несколько циклов прозаических сказок писательницы: «Лечение Василия и другие сказки», «Сказки для всей семьи», «Дикие сказки о животных». Сказки Л. С. Петрушевской разнообразны: отличаются ориентацией как на фольклорно-сказочные жанры, так и на литературные. Как пишет Л. В. Овчинникова: «их называют философско-сатирическими, абсурдно-философскими, аллегорическими и т.п.» [6, с. 205]. В статье М. Васильевой «Так сложилось» говорится о том, что «Петрушевская – продолжатель традиции. Истоки её литературы берут начало в русской классике XIX века» [2, с. 208]. Однако её проза, имея традиционные классические истоки, наметила в литературе свой путь, подтверждая полную самостоятельность автора [2, с. 208].

Часто автор обращается к историям из жизни, которые представлены в виде небольших грустных и серьёзных философских текстов, имеющих, как и положено сказкам, светлую и волшебную-счастливую концовку. Предметом их изображения является обыкновенная, бытовая жизнь с её проблемами, пороками, ежедневной суетой и т. д. Одной из таких сказок является «История живописца».

Главный персонаж сказки не сразу «получает» от автора имя: сначала он представлен как «художник», который потерял всё, что имел.

«Жил-был художник, но он был такой бедный, что не мог купить себе ни карандаша, ни бумаги, а про краски и кисти нечего и говорить» [7, с. 48].

Впервые встречается поэтоним *Игорь* в речи одного из персонажей, в обращении к художнику:

«– *Игорь!* – рявкнул якобы старый друг, которого этот *Игорь* вспомнить пока не мог» [7, с. 60].

Антагонистом главного героя выступает *жулик Адик*. Следует отметить, что на протяжении всей сказки данный персонаж именуется сокращенной формой имени *Адик*, часто с определением *жулик*, и лишь два раза получает полное имя *Адонис*:

«Как ни странно, адвокат был на месте и сразу сказал:

– Знаете, у вас, кажется, всё в порядке, и квартиру отберут у этого жулика *Адониса* прямо сегодня» [7, с. 66].

Жанр сказки часто обуславливает выбор сематических и стилистических средств в сфере поэтонимии. Так, для именования персонажей Л. С. Петрушевская использует не только имена собственные, апеллятивы, выполняющие функции собственных имен, но и создает авторские поэтонимы по существующим моделям:

«– Тебе некуда спешить! – радостно воскликнул *Старый Товарищ*. – Ты

что, забыл меня? Я же *Извоя*! Помнишь? Я в школе ещё у тебя деньги отнимал!» [7, с. 61].

Этот же персонаж имеет еще один апеллятив в качестве поэтонима:

«– Это конкретный разговор, – сказал *Голос*. – Я знаю, ты честный мужик» [7, с. 82].

Использование нескольких имяформ одного персонажа, как пишет Н. В. Мудрова, уже само собой является стилистическим приёмом, поскольку деривационные элементы передают богатейший спектр эмоциональных и смысловых оттенков номинаций, отражают социальное положение, происхождение персонажа, отношение к нему других действующих лиц произведения [4, с. 76]. Определения различной стилистической окраски придают поэтонуиму дополнительные коннотации. Так, автор для именованного *Старого Товарища – Извоя* использует несколько структур: «Художник сразу же узнал, этого *жуткого гада Извоя*, который, будучи старше на два класса, отбирал у него деньги, карандаши и ластик» [7, с. 61]; «Он с детства помнил *Извоя, вора и негодяя*, из-за которого голодал все школьные годы...» [7, с. 63]. Употребление таких определений создает нагнетание негативного отношения к данному персонажу. Кроме того, имя *Извоя* не зафиксировано в словарях, это собственно авторский поэтоним, созданный, возможно, по типу вариантов имени *Зосима (Изося, Изосим, Изусим)* [8, с. 190].

Как и в сказках народных, имена в сказке «История живописца» представлены в официальной и неофициальной формах, образованных с помощью экспрессивно-окрашенных суффиксов, и употребляются они как в речи автора, так и других персонажей: *Вера – Верка* [7, с. 73].

Кроме того, поэтонимы в сказке представлены в разных функциях:

1. *Номинативная* (присуща всем именам собственным).

2. *Функция социальной легализации*, например: «*Жулик Адик*, захвативший его квартиру, знал, что делал, когда перепродавал её такому семейству...» [7, с. 51]; «Наконец *художнику Игорю* показалось, что он добрался до проклятого места...» [7, с. 79], хотя, по мнению В. А. Никонова, собственные имена социальны все и всегда [5, с. 8]. Но социальны они только исторически, поэтому для современного языка и, соответственно, современной сказки это не характерно, что и отразили имена персонажей Петрушевской.

3. *Фатическая функция*: *Старый товарищ – Извоя – Голос*. Фатическая функция в русских народных сказках обычно объясняется при переименовании героя, сравните: «*Иван купеческий сын* один ответ ладит: «*Не знаю!*» – «*Коли так, будь же ты Незнайкою*»... Сел *Незнайка* на своего коня доброго» («*Незнайка*») [1, с. 322]. В данной же сказке Петрушевской не дано в тексте такого полного и четкого объяснения переименований героя, читатель делает выводы, исходя из контекста.

4. *Экспрессивная функция*, так же как, и в народных сказках, встречается в виде экспрессивно-окрашенных имен.

5. *Аллюзивная функция* присуща многим сказочным произведениям Л. С. Петрушевской. В «Истории живописца» поэтоним представлен в этой функции неявно, скрыто:

«– Адик сказал, – произнесла она громко, – что если я подарю ему квартиру какого-то Игоря, то он, так и быть, на мне женится. Даже не поздоровался, сразу объявил. Сделал заявление: женюсь за квартиру. Печать и подпись: твой *Адонис*, твоя *мечта*» [7, с. 83]. Лишь в последней фразе актуализируется данная функция, а имя персонажа отсылает нас к мифу об Адонисе и Афродите¹.

Традиционные сказочные мотивы добра и зла, а также отдельные мотивы мировой культуры представлены в переосмысленном философском плане сказки «История живописца», что отразилось и на именовании персонажей, среди которых – онимы из русского реального именника (*Вера, Игорь, Адик*), апеллятивы (*Старый Товарищ, Голос*), собственно авторские онимы (*Извозя*). Л. С. Петрушевская использует большой набор функций поэтонимов (номинативная, фатическая, экспрессивная, функция социальной легализации, аллюзивная), обращается к употреблению различных имяформ и определений, которые позволяют разнообразить стилистику современного сказочного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Москва: Наука, 1985. Т. 2. 464 с.
2. Васильева М. Так сложилось. *Дружба народов*. 1998. № 4. С. 208–217.
3. Мифы древней Греции: Адонис. URL: <http://mify.org/dictionary/adonis.shtml>
4. Мудрова Н. В. Поэтика онимной игры: монография. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. 144 с.
5. Никонов В. А. Имя и общество. Москва: Наука, 1974. 278 с.
6. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика: учебное пособие. Москва: Флинта; Наука, 2003. 312 с.
7. Петрушевская Л. С. Счастливые кошки. Москва: Издательство «Вагриус», 2001. 352 с.
8. Суперанская А. В. Словарь русских имен. Москва: Эксмо, 2005. 448 с.

¹ Миф об Адонисе и Афродите заимствован греками у финикийян. Имя *Адонис* не греческое, а финикийское и означает «господин», «владыка». Финикийяне же заимствовали этот миф у вавилонян, у которых был миф о богине любви Иштарь и прекрасном Таммузе, умирающем и каждую весну воскресающем боге. Однажды Афродита, рассердившись на не почитавшую ее царскую дочь, будущую мать Адониса, внушила ей страсть к родному отцу. Царь поддался соблазну, не подозревая, что вступает в связь с собственной дочерью, и после этого проклял ее. Боги превратили ее в мировое дерево, из треснувшего ствола которого родился ребенок удивительной красоты. Афродита передала младенца в ларце на воспитание Персефоне, которая, после того, как юноша вырос, не пожелала расстаться с ним. Спор богинь разрешил Зевс, предназначив Адонису часть года проводить в царстве мертвых у Персефоны, а часть на земле с Афродитой, возлюбленным и *мечтой* которой он становится [3].